

Александр Рубченко

**Два Дневника —
Два Лейтенанта**

Александр Рубченко

Два Дневника – Два Лейтенанта

«Издательские решения»

Рубченко А.

Два Дневника – Два Лейтенанта / А. Рубченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531507-6

В основе документальной повести — дневник ст. лейтенанта, дошедшего до Берлина, и дневник молодого лейтенанта Морской Авиации, стоявшего у истоков создания РВСН на Балтике, в самой западной области России. Великая Отечественная война глазами пятилетнего мальчугана с берегов Донца и, как создавался надежный щит Родины после войны.

ISBN 978-5-00-531507-6

© Рубченко А.
© Издательские решения

Содержание

ДВА ДНЕВНИКА -Два Лейтенанта	6
КАРИБСКИЙ КРИЗИС	7
ИНЖЕНЕР-ЛЕЙТЕНАНТ СОЛОВЬЕВ	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
ЛЕЙТЕНАНТ РУДАКОВ	26
ГЛАВА 1	27
Глава 2	30
НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, МОРСКАЯ АВИАЦИЯ	33
Глава 1	33
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Два Дневника – Два Лейтенанта

Александр Рубченко

*75-й годовщине Калининградской области и Юбилею образования
РВСН на самом западе России посвящается*

© Александр Рубченко, 2021

ISBN 978-5-0053-1507-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВА ДНЕВНИКА - Два Лейтенанта

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Не знаю почему, но для первой публикации я выбрал страницы из самой середины отцовского дневника. Возможно, потому что начало было более литературным и не очень мне понятным, т.к. почти все фамилии были изменены. Отец объединил их в раздел «Девять не отправленных писем», и, видимо, хотел написать литературную повесть про двух друзей Рудакова и Соловьёва, молодых лейтенантов, прибывших в глухой лес бывшей Восточной Пруссии для обустройства секретной Ракетной базы. Вторая часть – «Карибский Кризис» – посвящена будням становления Ракетных войск стратегического назначения на самых западных рубежах нашей Родины, в Калининградской области.

Имена главных героев я так и оставил измененными, чтобы потом не было путаницы с подготовкой к печати первых глав о прибытии молодых лейтенантов в часть. Это даже показалось мне занятным, т.к. главные герои – это мой отец и его друг. Они дружили всю жизнь. И не только они, но и наши семьи.

Некоторые страницы дневника написаны как сцены для фильма – пошел, стал там, сказал, повернулся и т. д. Возможно, это из-за увлечения отца фото- и киносъёмкой. Я не сразу обратил на это внимания, и многие страницы существенно поправил, но потом некоторые оставил, сохранив их стиль.

ИНЖЕНЕР-ЛЕЙТЕНАНТ СОЛОВЬЕВ

Глава 1

Скорый поезд «Белые Ночи» летел без остановок. Соловьев жадно вглядывался в пролетающие мимо полустанки, но все было напрасно. Ночь, огни и перестук колес и больше ничего. Но всплывали воспоминания о первых днях лейтенантской жизни. Сданы последние экзамены. Первые его офицерские погоны, прощальный вечер

Тот вечер, вероятно, надолго останется у него в памяти. Он впервые сказал заветные слова. Той, самой дорогой ему, единственной на свете Иришке. Той Иришке, которую давно любил, но не решался ей об этом сказать.

Она давно ему нравилась. Это случилось еще на третьем курсе. В училище проводили день открытых дверей. Славка Гордин давно встречался с Галей из педагогического и в этот раз она пришла ещё и с подругой.

– Ириша, подруга Гали. Живу с ней по соседству, на одной улице, – сказала она Алексею, когда тот взял в свою руку маленькую ладонь этого обворожительного создания. С той встречи он потерял покой. А Иришка как будто этого не чувствовала и не обращала на него внимания. Она каждую субботу приходила с подругами на танцы в училище. Вокруг нее кружились курсанты, а Алексей боялся даже подойти к ней!

Даже сейчас, вглядываясь с верхней полки в набегающую темноту, Соловьев удивлялся и снова спрашивал себя: как? Как это он решился? Как решился открыть ей свои чувства? Она ничего не сказала в ответ. Просто, выскользнула из его крепких, тренированных рук и побежала вдоль берега моря. Потом они еще долго сидели рядом. Иришка была так близко, что Алексей боялся пошевелиться, и только шум морской волны и аромат южной июльской ночи рождали ощущение счастья.

Все это навсегда осталось в памяти. Алексею приятно было вспоминать каждый день, проведенный с Иришкой. А сейчас – куда мчит его поезд? Что ждет впереди? Дальний, закрытый гарнизон. Нужно подниматься, скоро остановка и ему выходить.

Алексей еле успел снять свои вещи. Поезд тронулся. Такое впечатление, что скорый остановился лишь для того, чтобы высадить только его, лейтенанта Алексея Соловьева, на этом глухом полустанке, окруженном со всех сторон вековыми соснами

Соловьев не успел осмотреться, как сзади его окликнул голос:

– Товарищ лейтенант?

Алексей оглянулся. Кругом никого. Кромешная тьма и приближающееся цоканье подков на каблуках солдатских сапог. К нему из темноты спешил невысокого роста боец, сержант, с кучей значков на груди.

– Товарищ лейтенант? – уже тише повторил сержант, – вас ждет машина.

– А почему меня? – удивился Соловьев.

– А потому! Это остановка для нас, – стал объяснять сержант. – Здесь вообще больше никого нет кроме нас. Все военные приезжают только к нам. Вот даже временно остановку сделали для всех проходящих поездов.

Они прошли мимо старого пакгауза и направились к огромному каштану, где стоял армейский «газик». За баранкой сидел ефрейтор с вздернутым носом и в гимнастерке, напоминающей полотно. Алексей обратил внимание на гимнастерку и спросил:

- А почему она у вас такая белая?
- Да в бэнзине постирав, она тож и стала такой, – с украинским акцентом, нараспев, протянул ефрейтор.
- Они все, кто увольняется, делают так, чтоб выделяться, – сказал сержант.
- Да ниии, яжь хотив як лучше. А Вы цеж тоже флотцку форму одилы, щоб покрасува-
ться? – продолжал ефрейтор.
- Да нет, – ответил смущенно Алексей, – я, действительно, закончил военное морское училище.
- А почему сюда по-па-ли? – как бы по слогам растянул свой вопрос сержант, так как «газик» запыгал по кочкам и корням лесной дороги.
- Штанько! – громко произнес сержант, – не дрова везешь.
- Да по цим корягам тильки по воздуху можно.
- Потому ты и летишь по воздуху? Товарищ лейтенант, так как же вы сюда попали? – опять спросил сержант.
- Как попал? А просто. По окончании училища с каждым из нас беседовали. Спросили: где желаете служить. Вот я и пожелал.
- Ну-у, я б не согласился, зачем тогда было учиться в морском училище?
- Когда я поступал, не то что техники, но даже и войск-то таких не было! Вот только сейчас они и появились! Это меня сильно интересовало. Я много об этом читал. Космос, Циолковский, первые полеты и, конечно, я мечтал попасть именно в эти войска. В Ракетные войска.
- Вот и попали, ха-га-га! В таку глухомань попали, ха-га-га! – Штанько смеялся и слегка подсвистывал, или даже подвизгивал. – Теперь будытэ по ночам глухарив пугаты, да сов.
- Почему? – удивился лейтенант.
- Да потому, что про нас уже поговорку сложили, – сержант настороженно посмотрел на лейтенанта, как бы присматриваясь, говорить или не говорить.
- Ну, что за поговорка? – спросил Соловьев.
- Да так, ничего особенного. Нас тут местные прозвали лесными и ночными братьями. И поговорка у них такая: Кому не спится в ночь глухую? Коту, ракетчику и... – Сержант запнулся, а потом громко выпалил, – Ежу-у.
- Ха-га-га-га! – Кабина наполнилась общим громким хохотом и повизгиванием Штанько.
- Вы, товарищ лейтенант, его не слухайтэ, вин Вам набалакае.
- Ты лучше смотри за дорогой, а то еще не хватало, чтоб мы куда-нибудь свалились, – недовольно проговорил сержант.

Глава 2

Машина прогромыкала по бревенчатому настилу моста через широкую, но очень мелкую речку. Вода в ней переливалась разноцветными струями на перекатах, искрясь в лучах лунного света. Лейтенант Соловьев задумался о своем и непринужденный разговор прервался. Он не спешил его возобновить, вернувшись в свои воспоминания.

За поворотом высоких елей показались шлагбаум с большими знаками «Стоп» и «Въезд запрещен». Алексей сразу понял, что это КПП воинской части.

Штанько лихо подрулил к КПП и, открыв ветровое стекло боковой дверцы кабины, крикнул:

– Курбаши, а ну прыймай гостя.

Из палатки, стоявшей рядом со шлагбаумом, вышел помятый солдат и что-то бубня, направился к машине. Штанько продолжал его донимать.

– Мухтарка, ты расскаж, як ты умудряешься по 30 часив в сутки спать? – продолжал подтрунивать Штанько и заливался звонким смехом. – Ты ж так все на свити проспышь. Твоя Ханума узнае про цэ, вона тэбэ ж в твий кышлак нэ пустэ.

– Ыч, зачем так скажешь, Серый Штан, хахоль ти, болташь тут... знаешь сам чиво.

– Ридавой Курбанов, дижурный по КиПеПе, – доложил боец и небрежно приложил руку к головному убору.

– Лейтенант Соловьев, – сквозь зычный смех Штанько, произнес Алексей.

– Замолчи ты, Штанько, – оборвал его сержант.

– Обижают Вас здесь, товарищ Курбанов?

– Не-эт, товарищ лейтенант, не обижат. Эт вот Серый Штан, он хахоль проста...

Ефрейтор Штанько от своих шуток, даже повизгивал.

– Так что, рядовой Курбанов, выходит, украинцы Вас обижают?

– Нэт, товарыш лэйтенант. Никто ны выходит. А украинцы эта ничего, а вот хахли, эте... Ух! – и он замахнулся на Штанько.

Тот опять залился смехом, от которого даже прослезился.

– Курбаши, ты не обижайся, яж шуткую. Ты як сминышься, так прыходь вечером до мэнэ в палатку. Я посылку получив с дому, посыдымо, покалякаем.

Алексей достал документы и передал их дежурному по КПП. Тот, с важным видом посмотрел их и пошел в палатку докладывать. Сквозь гул мотора и шум стройных вековых елей слышно было, как Курбанов куда то звонил, кому-то докладывал. Наконец, выйдя из палатки, поднял шлагбаум и сквозь улыбку ровной белизны зубов уже весело произнес:

– Проезжай, Серый Штан, – так в шутку он называл Штанько, с которым подружился уже давно, – шайтан тэбя брал.

Перед лейтенантом Соловьевым за густым лесом и зарослями орешника открылась небольшая поляна, окруженная стройными соснами. На ней выстроились ровными рядами палатки. Машина остановилась.

– Вот и приехали, товарищ лейтенант, – произнес сержант, и быстро снял чемодан Алексея. Поставив перед ним, добавил:

– С приездом вас, товарищ лейтенант! Хорошей вам службы. Разрешите идти?!

– Спасибо. Ид-дите, – почти заикаясь, произнес Соловьев, не ожидая увидеть такую картину.

Еще бы! Он всю дорогу представлял громаду из бетона и стекла, грозную технику, такую мощь, которая, как минимум, вкладывалась в емкий лозунг «Надежный щит Родины!».

Вместо этого – целый ряд простых армейских палаток. Между ними дорожки, посыпанные битой черепицей и песком.

Где-то совсем рядом, по сосне, звонко стучал дятел. Казалось, он специально так залихватски постукивал, будто хотел вогнать в сознание Соловьева все многозвучие лесной жизни. Навстречу ему в полевой форме с повязкой на руке шел офицер.

– Лейтенант Белоухов, дежурный по гарнизону. С прибытием вас, – представился офицер, пожав руку Алексею, и добавил, – Николай.

– Алексей, – ответил Соловьев.

– Ну что, пошли. Вот наше хозяйство. Правда, это не все. Это только жилая зона, – как бы оправдываясь, говорил Белоухов, отчего Алексей радостно улыбнулся и с надеждой ответил:

– А, я думал это все...

– Да нет, – ответил Николай и, как будто они уже давно знакомы, перейдя на «Ты», спросил:

– Ты где собираешься жить?

– Да не знаю, где определяют.

– Тогда идем к нам, – Белоухов свернул к крайней палатке.

– У нас есть свободное место. Правда, мы только оборудуем, сами только два дня назад как приехали. Еще не успели как следует обосноваться.

Вошли в палатку. На центральном штоке палатки аккуратно висел большой портрет лукаво улыбающейся девушки с красивыми волосами, и эта улыбка как бы говорила: «Ну что, приехал?». Николай, заметив, что Алексей залюбовался портретом, поставил его чемодан и пояснил:

– Это нашего Женьки Кухалы. Она с ним в поезде до Харькова ехала. Учится на химика. Была с ним вместе в отпуске, в горах. Веселая девчонка. На гитаре бацает здорово.

Здесь Алексей увидел гитару, лежавшую в углу палатки.

– Вот твоя койка. Нас здесь пока трое будет. Женька вечером приедет. За кирпичом уехал. Мы начали строить караульное помещение и столовую.

– Разрешите!? – в палатку протиснулся светловолосый, худошавый солдатик с повязкой «Посыльный» на рукаве. – Разрешите обратиться!? Дежурного по гарнизону вызывает к себе командир.

– Ну ладно, ты здесь располагайся, а я побегу. – на ходу бросил Белоухов.

Николай быстро вышел. Глухие шаги по песчаной дорожке удалялись от палатки.

Алексей присел на матрац койки. На самом деле это была не койка, а ооруженный из толстых досок топчан. Пахло хвоей и сыростью. Какое же сегодня число? Оторопевший от свалившихся впечатлений, Соловьев попытался сориентироваться во времени и пространстве. Вот уже и осень, сентябрь. Нужно будет Иришке написать письмо.

Соловьев вдруг почувствовал навалившуюся усталость от дороги. Хотелось умыться или принять душ. Но где? Где здесь может быть душ? Сержант был прав. Глу-хо-мань! Ну, не киснуть! Унывать никак нельзя! Сам же ведь напросился. Его мысли прервал Николай.

– Давай живо к командиру. Он тебя ждет.

Глава 3

Алексей подошел к дорожке, перед которой стояла табличка с указателем «Штаб». Повернув налево, пошел по ухоженной аллее, посыпанной битым красным кирпичом и черепицей. Остановился возле палатки с надписью: «Командир части».

Он, робея, подошел к палатке и охрипшим голосом, чему сам необычайно удивился, произнес:

– Разрешите войти?

Но никто не ответил. Соловьев для порядка кашлянул. Внутри палатки бархатный низкий голос сказал:

– Входите, пожалуйста.

Алексей вошел. Сделал один строевой шаг вперед и четко доложил.

– Товарищ полковник, лейтенант Соловьев для дальнейшего прохождения службы прибыл, и выдохнул остаток воздуха, отчего последнее «прибыл» получилось с каким то шипящим отрывом, точно прибывший паровоз, выпустивший остаток пара.

Из-за стола поднялся полковник средних лет с серебром на висках, доброжелательно посмотрел на Алексея и, подойдя к нему, пожал руку.

– Вижу, что прибыл. Поздравляю с вступлением в нашу боевую часть, – и пригласил сесть.

Палатка была просторной. На полу был настил из ровных досок, выскобленных и чисто вымытых. В правом углу стоял сейф с узорчатыми, замысловатыми линиями на массивной двери. Такой же кряжистый, надежный, как и сам хозяин. От такой твердой уверенности, простоты, по-отечески заботливой встречи, у Алексея стало теплее на душе. Рядом с сейфом журнальный столик, на нем стеклянный сифон с газированной водой и три стакана. Левая половина палатки была отделена. За аккуратно натянутым на трос тонким брезентом ярко зеленого цвета стояла солдатская койка, умывальник, тумбочка с настольной лампой.

Командир так долго расспрашивал Алексея о совершенно, как ему показалось, посторонних вещах, что он даже расстроился.

– Где учился и как закончил, знаю сказал тот. – Диплом инженера-электромеханика, да еще с отличием. Это очень хорошо. Вот немного отстроимся, будут квартиры, и можешь забирать свою Ирину, здесь ей работа найдется. Куда тебя направить служить?

Не дождавшись ответа, полковник продолжал, – Выбор у нас небольшой. Пока комплектуется только одна батарея. Командир уже есть, а вот заместителя нет. Пойдете заместителем командира батареи по технической части. Флот нужно забыть. Если решили сменить профессию, то забыть нужно окончательно и бесповоротно. Мосты взорваны, лодки порублены, назад ходу нет. Три дня хватит на устройство? Сегодня двадцатое, двадцать третьего прошу не опаздывать на утренний развод, пока будете ходить в полевой форме, но нужно пошить новую форму. На разводе я Вас представлю, а сейчас, если вопросов нет, пожалуйста, свободны. Желаю удачи в службе.

Алексей встал, поблагодарил командира, легко повернулся кругом и вышел из командирской палатки. Душа его пела. Он готов был обнять младшего сержанта у грибка, весь этот лес вокруг, все палатки, которые стали как бы ближе и дороже. С этими мыслями он и не заметил, как дошел до косогора, за которым начинался спуск к реке. Направо дорога уходила за поворот

нетронутого бурелома, где слышно было урчание трактора и шум голосов. Мысли его прервал голос часового с автоматом на груди.

– Пропуск, – услышал Алексей резкий окрик, а затем уже мягче и спокойнее, – товарищ лейтенант, пропуск, пожалуйста.

– А у меня пока нет...

– Тогда туда нельзя, там техническая зона.

Алексей не стал уговаривать. Да это и бесполезно, часовой все равно бы не пустил.

Соловьев повернул обратно, но пошел не по дороге, а по тропинке, идущей к реке. Тропинка, петляя между зарослями орешника, малинника и привела Алексея на берег реки, заросший мятой, чередой и другим разнотравьем, отчего запах стоял умопомрачительный.

От такого буйства лесных запахов Соловьев потер нос и жадно вдохнул. Журчание воды, такой чистой, что виден был каждый камушек. Щебет птиц и жужжание шмелей, диких пчел, чистый воздух... Все это больше напоминало базу отдыха, чем сверх секретную ракетную воинскую часть. Алексей присел на траву. Осторожно, как бы боясь смять нетронутое лесное густотравье, снял фуражку и лег на спину, запрокинув руки за голову. Прищурился, он стал наблюдать за перистыми облаками, удивительно быстро растворявшимися от яркого солнца.

Небо здесь не такое голубое, как в Севастополе, подумал Алексей, но зато такая чудная зелень. Закрыв глаза, Алексей спрашивал себя: -Что сейчас делает Иришка? Так, вспоминая, он не заметил, как задремал. Проспал не долго. Его разбудил звонкий голос.

– Ага! Вот ты где?! Я тут его ищу! Думаю, где он, куда запропастился?

Николай, с полотенцем через плечо и пакетом, основательно набитым умывальными и бритвенными принадлежностями, спускался к реке. Новенькая мыльница, целая коробочка с зубным порошком, щетка, дорожная бритва «Турист» и еще всякая всячина, как из салона-парикмахерской.

– Я уже сменился с наряда. Зашел в палатку, тебя нет. Поспрашивал, никто тебя не видел. Ну, думаю, пойду, помоюсь, а потом начну розыск. Здесь заблудиться в два счета можно. Тут у нас один боец, из Бухары, блуждал. Хотел костер развести, но бумаги не было. Рубль был, всего один рубль. Он его зажег, а тут кабаны. Может, если бы червонец был, что и вышло... А так пришлось тикать, чтобы кабаны не растерзали.

Так, шутя, продолжая болтать, Николай наводил марафет. Завел механическую бритву и стал ловко бриться, не переставая балагурить, заглушая мерный рокот бритвенного моторчика.

– Представляешь, боец всю ночь так и просидел на сосне. Утром, когда рассвело, осмотрелся вокруг. Видит, что находится в ста метрах от нашего КПП. Вот смеху-то было. Его теперь Колумб-аглы зовут.

Закончив бриться, Николай снял с себя одежду и, переваливаясь с ноги на ногу, высоко задирая и смешно сгибая в коленях, начал входить в холодную воду лесной реки.

– Ух, вот это водичка! Такая водичка, что все суставы ломит. Как думаешь, это от того, что она такая быстрая? Не успевает прогреться? Хотя нет. Здесь, наверное, родников много.

Умывшись, он резко выскочил на берег и стал растираться полотенцем.

– Я смотрю, ты еще не можешь свыкнуться с мыслью, что бросил якорь не в той гавани? – продолжал Николай, не давая Соловьеву даже вставить слова. – Но ничего. Да, не забудь,

сегодня у нас кино. Фильмы здесь каждый день крутят, потому что по вечерам больше делать нечего.

– А где здесь клуб? – спросил Алексей.

– Да, у дедушки сыча, – с серьезным видом съязвил Николай и потом громко расхохотался.

– Клуб ему подавай. Какой тут клуб!? Ты бы еще сказал кинотеатр.– продолжал заразительно хохотать Николай. – На сосну вешаем экран и крутим.

– А как же зимой? – с испугом спросил Алексей.

– Это вопрос существенный, – ответил Николай, – но до зимы нужно еще дожить, не замерзнув от утренних заморозков. Придет зима, там видно будет. Этого еще никто не знает. Ну что? Пошли!

Николай на ходу застегивал ремни и собирал в пакет все имущество, что принес с собой. Разговаривая, точнее, продолжая вещать, как из динамика, Николай с Алексеем не спеша пошли к своему палаточному гарнизону.

Глава 4

Ночь в палатке выдалась прохладной. Алексей уже не спал. От утреннего холода он проснулся давно, но никак не хотел выползть из под солдатского одеяла. А Николай спал. Тихо, размеренно похрапывал, укрывшись поверх одеяла шинелью и еще плащ-накидкой. Женьки Кухли не было уже третий день. Хотя машины, тяжело груженные кирпичом, беспрестанно возили и возили кирпич с утра и до поздней ночи.

– Да, не догадался я укрыться плащ-накидкой, – с сожалением подумал сквозь дрему Соловьев. Под одним солдатским одеялом было довольно прохладно.

Где-то далеко прозвучала команда дневального «Подъем!». Слышно было, как лес наполнился гомоном и топотом солдатских сапог. Нужно вставать. Алексей зашевелился под одеялом, но вставать не хотелось. Николай проснулся. Резко сбросил с себя одеяло с нагроможденными сверху шинелью и плащ-накидкой. Вскочил, стал надевать спортивный костюм.

– Да-а, – приговаривал он, – колотун начинается, а что будет, когда морозы вдавят? Нужно срочно строить землянки, а то в палатках дуба дадим. Кряхтя, он выскользнул из палатки и побежал на зарядку. Алексей тоже нехотя выполз из-под одеяла. Пол, устланный хвоей, щекотал подошвы. Нужно постелить доски, подумал Алексей, застилая кровать. Зарядку делать ему не хотелось. Помахав руками несколько раз, чтобы согреться, стал собираться, чтобы идти умываться. В это время в палатку забежал Николай.

– Ты что такой кислый? Зарядку не делаешь. Непорядок! Так не годиться. Ты возьми за правило: в любой обстановке делать зарядку. Если только спорт, то он делает человека хилым и горбатым! Ну еще курево и алкоголь, а вот зарядка и физкультура, это Да! Зарядка облагораживает человека. Зарядка дает человеку заряд бодрости, делает его молодым, здоровым и красивым. Дзержинский никогда не пренебрегал зарядкой, даже находясь в тюрьме.

– Ну, хорошо-хорошо, убедил, – улыбнулся в ответ Алексей. – Пошли умываться, Дзержинский.

Молодые лейтенанты вышли из палатки. От самой реки поляну застилал густой, молочного цвета, туман. От этого Соловьеву становилось еще холоднее. Умывальник находился на краю поляны. В том самом месте, где в день его приезда солдаты что-то колотили.

Глава 5

Утренний развод это настоящий ритуал. В Севастопольском морском училище, колыбели русского флота, он проходил весьма торжественно. Дирижер образцово-показательного оркестра майор Самохвалов одним взмахом руки заставлял оркестр играть так вдохновенно, что никто не оставался равнодушным. Пока с плаца не уходил самый крайний строй, оркестр гремел всей своей медью, сверкая в лучах утреннего солнца бликами начищенных труб.

Здесь, на лесной утренней просеке, все было намного проще. Никакого оркестра, никаких литавр. Стояло всего два десятка офицеров, да около полусотни солдат. Вот, пока и вся воинская часть. Дежурный по гарнизону, как его тут называли, громко, даже с каким-то надрывом, подал команду: «Равняйся! Смирно» глядя на приближающемуся к строю командира части.

Командир части, полковник Вернадкин, был среднего роста. Широкоплечий, с проседью в висках, добрыми глазами и располагающим лицом с приятной улыбкой. Когда же он был серьезным, то его лицо не производило неприятного впечатления. Оно выражало требовательность и одновременно уверенность в своих подчиненных. Хотя все здесь появились недавно, но каждый проникался уважением к командиру за его спокойные, рассудительные решения, за деловые советы, заботу его уважали все.

Увидев командира, Алексей почувствовал себя спокойней. Дежурный доложил, что гарнизон на развод построен. Полковник без напряжения, но довольно четко подошел к строю и поздоровался. В ответ разнеслось громкое: «Здравия желаем, товарищ полковник!». Сидевшие поодаль пернатые, чирикнув, улетели прочь.

– Лейтенант Соловьев, – произнес командир.

– Я, – ответил, как будто не своим голосом, Алексей.

– Выйти из строя!

– Есть, – четко чеканя шаг, Алексей вышел на середину строя. Ему была не привычна полевая форма. Да еще и правый сапог жал в подъеме. Резко повернувшись кругом, Алексей замер перед строем. Ему казалось, что сотни глаз сверлят его сверху донизу. Твердый голос командира прервал его мысли. Все внимание строя теперь было сосредоточено не на нем.

– Товарищи, в нашу боевую семью прибыл новый офицер, лейтенант Соловьев Алексей Григорьевич. Назначен на должность заместителя командира батареи! Затем полковник кратко рассказал послужной список молодого лейтенанта.

– Если есть какие вопросы к лейтенанту Соловьеву, то пожалуйста. Если нет, то в процессе службы вы познакомитесь с ним ближе. Встать в строй!

Алексей глубоко вздохнул, скользнул взглядом по верхушкам сосен, по строю, но на него уже никто не смотрел. Внимание всех было приковано к командиру.

– Технику начинаем получать через два дня.

Строй зашевелился, донеслись возгласы: «Ну, наконец, то, а то ковыряемся тут без толку».

– Внимание, – продолжал командир, – техника, это еще не все. Будем получать новое оборудование, которое нужно будет монтировать. Будут продолжать поступать люди, и будем и дальше, как здесь уже кто-то сказал, ковыряться. Чтобы не ковыряться, сейчас нужно работать за троих. Техника на подходе, а капониры для нее не закончены. На пороге зима, а мы еще

с вами в палатках. Все, кто не задействован на работах, усиленно заниматься. Ввиду того, что комплект литературы единственный, то начальнику штаба необходимо установить очередность занятий. Порядок будет такой: через каждые два часа происходит смена пользования литературой. Через двадцать минут после окончания развода офицерам собраться в летнем классе. Если нет вопросов, то развести личный состав на занятия и работы.

Утренний развод окончился. Люди уходили на занятия и работы. Офицеры кучкой собрались около курилки. К Алексею подошел высокого роста, с темными волосами офицер.

– Капитан Марьячин, командир батареи, Ну что зам, будем работать? У нас батарея почти полностью укомплектована. Нет пока дизелиста и нескольких номеров расчетов, но выполнять задачу можно. Несколько агрегатов мы уже получили. Получим остальные и главное учебное изделие и можно тренироваться в комплексе.

Изделием комбат назвал стратегическую ракету, которую все с нетерпением ждали.

– Ну что, идем. Представлю тебя личному составу батареи, затем на совещание.

Марьячин повел Алексея через поросшую кривыми соснами опушку, где на просеке была уже выстроена батарея. Перед строем стоял Николай, размахивал руками и что-то говорил солдатам. Когда Алексей и комбат подошли ближе, Николай подал команду и направился докладывать, но Марьячин дал команду «Вольно».

– Товарищи, командир части уже представлял вам моего заместителя лейтенанта Соловьева. Я повторяться не буду. С этой минуты все его приказы и распоряжения исполнять безоговорочно. Сейчас все офицеры убывают на совещание. Остальные занимаются по плану. Старший сержант Бобровский со своей командой продолжает закрывать капониры. Сегодня эту работу закончить. Старшина Тивасенко наводит порядок в подразделении и занимается подготовкой к закладке фундамента для столовой и бани. Всех оставшихся незадействованными ефрейтор Гариев ведет на занятия. Сегодня буду принимать зачеты. Если вопросов нет, офицеры на совещание, а остальные по своим рабочим местам.

Глава 6

Капитан Марьячин академий не заканчивал. Но службу знал хорошо и добросовестно выполнял. И поэтому со знанием дела продолжил показывать хозяйство батареи своему заместителю, лейтенанту Соловьеву.

Солнце едва касалось вершущек сосен, расположившихся на восточной стороне опушки. Подойдя к палатке, на входе в которую была прикреплена табличка «Учебный класс», комбат остановился. Внимательно осмотрел крепежные стойки и сказал Соловьеву:

– Необходимо перебить колья. Видишь, поставили не правильно. Ветер-ураган, дождь нагрянут, все свалят в миг.

По-правде говоря, Алексей ничего этого и не заметил. Ему показалось, что палатка поставлена нормально, но пометку в своей записной книжке он все же сделал. Из палатки доносились голоса солдат и ефрейтора Гариева. Ефрейтор требовал:

– Разговорчики! Еще раз повторяю, по команде «Дать напряжение на борт»...

Договорить, что нужно делать, по этой команде, он не смог. Увидел входившего в палатку комбата и его заместителя, громко крикнул:

– Батарея, встать! Смирно! – и пошел по проходу между установленными металлическими столами, за которыми стояли солдаты, докладывать командиру. Капитан Марьячин командовал: «Вольно! Садитесь». Пройдя вперед, резко повернулся и спросил:

– Ну, что, все выучили? – солдаты молчали.

– Повторяем, – ответил ефрейтор Гариев.

– Ну, хорошо, сейчас проверим.

Пройдя между столами, комбат остановился около коренастого, белобрысого солдата и в упор посмотрел на него. Тот вскочил и четко доложил:

– Двенадцатый номер третьего отделения, рядовой Рыбак.

– Рядовой Рыба-ак!? – нараспев спросил комбат, – А, доложите-ка нам рядовой Рыбак, какие ваши действия по команде: «Установить приборы на борт».

От четкого доклада солдата на лице комбата растекалась нескрываемое удовлетворение. Опросив нескольких человек, капитан Марьячин сделал вывод, что личный состав батареи теоретически подготовлен неплохо.

– Ну что ж, чувствуется, что поработали неплохо. Завтра начнем сдавать зачет на право допуска к самостоятельной работе. На следующей неделе приступим к практическим тренировкам и слаженной работе в составе батареи. – И, обращаясь к ефрейтору Гариеву, комбат пожал ему руку.

– Благодарю за службу!

Гариев вначале даже растерялся. Быстро справившись с волнением, громко отрапортовал:

– Служу Советскому Союзу! – потом помялся и добавил, – Только, у нас не все такие.

Поодаль за отдельным столом сидели бойцы с учебником по радиотехнике и... букварем.

– Та-аш капитан, – обратился на ломаном русском бойкий рядовой Загарян. – Ми руски карашё знам, хотим у ваша батарея слюжит. А, та-аш эфрейтар Гариев нам никак нэ хочит разрешат. Только наряд и тум-бОчка. Говорит, чьто ми ещё плёха подгототафливатца.

– А вот сейчас мы и проверим, как вы подготовлены. Первый контрольный вопрос, – решительно и даже по слогам, спросил капитан Марьячин. – Ну-у! Сколько градусов в окружающей среде?

Все «нацкадры» за отдельным столом уткнулись в тетрадки, кто-то даже листал учебник по радиотехнике.

– Вот, видите, с кем приходится работать, товарищ капитан. – начал было оправдываться ефрейтор.

– Вас что, не учили в школе?! – строго спросил комбат Марьячин.

– Та-аш капитан, -тут же подхватил Загарян, – нас в школи канэчно учили, но ми конспектов с собой других не взяли. Поэтому и ответит нэ сможем.

– Ну, вы хотя бы знаете, что такое градус? – совсем уже теряя надежду, спросил капитан. Загарян сделал не то обиженное, не то удивленное выражение лица и тут же выпалил:

– Ну, канечно. Мароз, Та-аш, капитан!! Кто жи этого не зна-ат.

– Так, понятно, – процедил раздосадованный Марьячин, -сначала научим русскому языку, а потом...

– Ми руски карашё знам, – не унимался Загарян.

– Ведите батарею в расположение жилого городка. Почистить сапоги! Помыть руки и приготовиться к обеду, – бросил комбат в сердцах, выходя из палатки.

– Есть, – ответил ефрейтор Гариев и дал команду «Выходи строиться!».

Личный состав батареи с веселым гомоном выходил на просеку для построения. Комбат со своим заместителем, лейтенантом Соловьевым, уже на тропинке к штабу, не удержавшись, расхохотались.

У палатки «Штаб» уже собирались офицеры. Совещание для подведения итогов прошедшего дня и постановки задач на день сегодняшний проходили регулярно.

Глава 7

Служба у Алексея Соловьева шла размеренно. Он с головой окунулся в заботы и нужды батареи: учебные занятия и наряды, прием и обслуживание техники, получение горюче-смазочных материалов, боеприпасов и оружия, ветоши для чистки техники.

В морском училище Алексей даже не мог и предположить, что ему придется всем этим заниматься. Как бы там не было, все в батарее, начиная от командира до рядового солдата, сразу почувствовали, что в подразделении появился не просто заместитель командира по технической части, а офицер, способный принять на себя все заботы не только о технике, но и личном составе, о подразделении в целом. Соловьев был чрезвычайно требователен, но требовал справедливо.

Лесной палаточный городок ракетчиков еще спал. Соловьев с отрядом бойцов прогромыхал на КРАЗе по бревенчатому настилу высокого моста через быструю и шумную речушку. Водитель ефрейтор Ваганов служил уже последний год, прибыл из арtpолка и свое дело знал отлично. До армии он два года отработал шофером и в армии тоже был назначен водителем артиллерийского тягача.

– Товарищ лейтенант, – обратился Ваганов к Соловьеву, – как вы, морской офицер из самого Севастополя, а попали сюда? У нас все никак не могут это понять.

Алексей, не дослушал и даже чуть раздраженно перебил ефрейтора.

– А как вы прослужили два года в артиллерии, а последний год решили отслужить здесь.

– Да так вот и решил. У меня был свой интерес попасть сюда. Да и КраЗ, совсем новая ведь машина. Хочу после армии завербоваться на стройку. На север или в Сибирь. Практика вождения большегрузных машин мне очень даже не помешает.

– Молодец, вот и я тоже.

Лейтенант Соловьев не стал дальше продолжать разговор. Это понял и ефрейтор и больше не донимал своего зампотеха расспросами.

Алексей погрузился в свои размышления о первых днях офицерской службы. А потом и сам не заметил, как вновь оказался в Севастополе. В том Севастополе вместе с Ириной. Перед ним всплыли картины городских скверов, Приморских бульваров, по которым они гуляли вдвоем. Воспоминания вдруг оборвались, повсюду слышался какой-то посторонний шум. Алексей даже не обратил внимания, когда закончилась лесная дорога и они выехали из леса на асфальтное шоссе. Именно с него и доносился этот непривычный шум городской суеты, мчащихся на скорости машин. Гражданский ИКАРУС, два рефрижератора, легковушка «Победа», впереди показались заводские трубы города. Слышно было, как доносились гудки маневровых паровозов.

Вокзал находился рядом с трассой. Проехав через железнодорожный переезд, Алексей увидел железнодорожный пакгауз. Подъехав к платформам погрузки, он дал команду ефрейтору Ваганову поставить машину на стоянку. Сам пошел к коменданту. Комендант уже час ждал представителей части и показал, где стоит нужный груз.

– Я же просил прибыть срочно, чтобы не платить за простой платформ. Кто будет платить за простой? – сердился комендант.

Кто будет платить, Алексей не знал. Потому и молчал, только пожимал плечами. На платформе в законсервированном виде, подготовленная заводом изготовителем и готовая к транспортировке, красовалась походная электростанция.

Солдаты уже не первый раз получали груз и по команде лейтенанта приступили к работе. Через полтора часа все было готово. Уставшие, они расположились под раскидистым каштаном и курили.

Лейтенант Соловьев скомандовал «По местам!» и автопоезд двинулся в обратный путь. На крюке прицепа катилась полевая электростанция. По лесной дороге малой скоростью станция двигалась по направлению к лесному воинскому гарнизону.

Лейтенант Соловьев немного успокоился. Ведь он провел свою первую самостоятельную разгрузку без каких-либо трудностей. Транспорт уверенно катился на прицепе за КраЗом. Соловьев расстегнул карман гимнастерки и вытащил небольшую книжечку. Полистав ее, он нашел нужную ему страницу, сделал несколько пометок в свой дневник.

Стройные сосны сменялись смешанным разнолесьем. Березки покрывались желтизной. Да, надвигается осень, подумал Алексей, скоро и зима, а личный состав в палатках. Он опять посмотрел в блокнот, где у него записано, как сержанты жаловались, что в палатках ночью уже очень холодно.

Да, холод в палатках становился частью повседневной жизни на лесной ракетной базе.

Глава 8

Просыпаться от холода по утрам становилось вредной привычкой Алексея. Входила в привычку и офицерская жизнь. Воинские премудрости не вызвали у молодого лейтенанта особых трудностей. Соловьев чувствовал, что офицерский коллектив вновь создаваемой части его принял. Главное, его знания дипломированного инженера-электромеханика востребованы. От таких мыслей даже под одним солдатским одеялом ему стало теплее. Улыбка пробежала по лицу.

Воскресенье конца октября было хмурым и холодным. Комбат со всем личным составом, свободным от нарядов, уехал рано утром за кирпичом для строительства караульного помещения, столовой и казармы. Командир части на совещании объявил, что необходимо строить казарму, а не рыть блиндажи-землянки. Комбат освободил лейтенанта Соловьева от поездки за кирпичом.

– Алексей Григорьевич, до обеда вы свободны. После обеда заступите в наряд, дежурным по гарнизону.

Так что у Алексея, почти целый день был свободен. Нужно сегодня написать Иришке, давно не писал. Точнее сказать, совсем не писал. Вот собирался еще на прошлой неделе отправить письмецо, и никак.

Чем же заняться до обеда, размышлял Алексей, крепко потягиваясь. Вставать, действительно, не хотелось. Но нужно вставать, завтрак уже заканчивался. Офицеры питались с солдатского котелка. Офицерской столовой еще не было. Ее только собирались построить. Соловьев скинул с себя одеяло, встал на прохладные доски настила. В палатке он был один. Надел треники, вышел из палатки к умывальнику и на пробежку.

Безмятежное утро лейтенанта Соловьева прервал посыльный с сообщением из штаба. Командир полка вызывал Алексея по поводу назначения на новую должность.

– Мы посоветовались и решили предложить вам новую должность. Вернее, она такая же, только в стартовой батарее.

Сидевший напротив Алексея подполковник вступил в разговор.

– Сейчас формируются стартовые подразделения по пуску изделий. В одно из таких подразделений нужен заместитель.

– Это командир стартового дивизиона подполковник Ветер, – представил его командир полка, – ну как, вы согласны? – продолжал командир части.

Соловьев помедлил с ответом, а потом заявил:

– А какой смысл? Я здесь зам и там зам. Здесь уже втянулся, стал привыкать. Там для меня, как говорится, темный лес.

– Какой смысл? Глубокий смысл, – объяснял командир. – Приказ правительства как можно быстрее сформировать, обучить личный состав и поставить полк на боевое дежурство по охране рубежей Родины. Это вам понятно?

– Так точно, – ответил Алексей.

– Так вот, – продолжал командир полка, – РТ батарея, по подготовке и ремонту изделий к пуску, сформирована. Идет ее обучение. Там командир-фронтвик, артиллерист. Со всеми поставленными задачами справляется. Вы имеете высшее инженерное специальное образование. Вот мы и предлагаем вам применить ваши знания и способности в формировании, становлении новых видов подразделений. Вам придется не только обучать, но и воспитывать своих

подчиненных. Проводить с ними занятия по электро- и радиотехнике, электронике, автоматике, по специальным прикладным дисциплинам. Я полагаю, вы еще не забыли все это!? Ну что, согласны?

Алексей чуть-чуть подумал и ответил:

– Служба есть служба. Конечно, согласен.

– Позовите сюда капитана Лоскутова, – обратился командир к капитану Завялову.

В палатку вошел молодежого вида человек смуглой наружности.

– Товарищ полковник, капитан Лоскутов по вашему приказанию прибыл.

– Здравствуйте, товарищ капитан, – командир полка подал Лоскутову руку и крепко пожал. Вот знакомьтесь, ваш заместитель по технической части, лейтенант-инженер Соловьев.

Лоскутов радостно пожал Алексею руку.

– Вы с ним потом ближе познакомитесь. У вас будет что вспомнить. Вы же оба южане. Вы с Молдавии, а лейтенант Соловьев из Севастополя.

– Я училище в Севастополе заканчивал, – поправил Соловьев, – а так я Питерский.

– Тем более, есть, что друг другу рассказать, – вступил в разговор подполковник Ветер.

– Вот и хорошо, – продолжал командир полка, – Командир дивизиона назначен, командир батареи и его заместитель есть. Теперь ваша задача очень быстро сформировать одну стартовую батарею. Затем все остальные батареи и структуры дивизиона. При этом не забывать об инженерных работах, маскировке и режиму. Мы с вами сугубо специальные войска. Иностранная разведка уже за нами охотится. Для всех мы просто артиллеристы. Да, в этой круговерти не забывать о людях, о своих подчиненных. Улучшая их быт никогда не забывать о крепкой воинской дисциплине. Вопросы?

– Нет вопросов, – в один голос ответили подполковник Ветер, капитан Лоскутов и лейтенант Соловьев.

– Ну, что ж, – продолжал командир полка, – тогда разрешите пожелать вам удачи в этой нелегкой, но очень нужной для всех работе. Помните, что за вами вся страна и ее народ, – командир немного помолчал, в палатке установилась тишина. Уже потом, пожимая каждому руку, добавил, – Я надеюсь на вас и верю, что вы с честью выполните эту, чрезвычайной важности государственную задачу. Счастливого начала и благополучного продолжения.. Удачи вам.

Офицеры Лоскутов и Соловьев покинули штабную палатку. Подполковник Ветер остался с командиром части принимать вновь прибывших офицеров.

– Товарищ лейтенант, – обратился капитан Лоскутов к Алексею, когда они вышли из палатки, – Вы чем сейчас занимаетесь?

– Я до обеда свободен, а после обеда заступаю в наряд, – ответил Соловьев.

– Где вы остановились? – продолжал капитан.

– Вот в этой палатке, – показал Алексей.

– Это палатки технической батареи, а наши вон там будут стоять, идемте, я покажу.

Алексей с капитаном Лоскутовым прошли по аллее к сосновой опушке, где начинался ряд новых палаток.

– Вот, если хотите. Палатка бывших морских офицеров. Зайдем!? Разрешите!?

– Да, заходите! Кто там!? – слышались голоса из палатки.

Алексей и Лоскутов откинули брезентовый полог. В уютной палатке ощущался морской порядок. На табурете сидел спортивного телосложения молодой человек в тельняшке и пытался пришить к гимнастерке белоснежный подворотничок.

– Здравствуйте, – произнес Лоскутов.

- Здравия желаю, товарищ капитан, – ответил сидевший, продолжая шить.
- Сколько вас здесь живет? – спросил Лоскутов.
- Двое и две койки свободны, – ответил крепыш в тельняшке.
- Флотского офицера примите? – продолжал капитан Лоскутов, – вот этого лейтенанта, моего заместителя.
- Если желает. Вот, пожалуйста, эти две койки свободны.
- Ну что, согласны? – обратился к Алексею Лоскутов.
- Да, вот эту беру, – указал Алексей на койку стоящую в дальнем углу палатки.
- Что заканчивал? – спросил офицер в тельняшке.
- Севастопольское, – ответил Алексей.
- А-а, Нахимовское?!, – произнес, вставая с табурета, крепыш в тельняшке. Подал Алексею руку и добавил, – Геша.
- Алексей, – ответил Соловьев.
- Вот и хорошо, познакомились. Переселяйтесь, успеете еще наболтаться. – сказал Лоскутов и направился к выходу.

На очередном разводе зачитали приказ о назначении лейтенанта Соловьева заместителем командира стартовой батареи.

ЛЕЙТЕНАНТ РУДАКОВ

ГЛАВА 1

Перестук колес поезда «Харьков-Львов» размеренно отбивал знакомое та-тан-та-та, та-тан-та-та. Рудаков лежал на верхней полке и не выходил на остановках. Спать не хотелось. Голова раскальвалась. Не то от сумбурных проводов, не то от мыслей. То они, одна за другую цеплялись, и улетали. То, вдруг, одна и та же всё приходила и приходила. И никак не хотела улетать. Одна навязчивая мысль отбрасывала его в воспоминаниях назад, далеко-далеко.

Как же так могло случиться?

В сознании ясно вырисовывался полустанок. Поезд уже дал сигнал отправления. Стоянка всего минуту. Федор бросил в тамбур чемодан. Она схватила его за курсантский шеврон на рукаве и не отпускала. Федор уже выпрыгнул на ступеньку, но она все-равно не отпускала его. Потом что-то кричала, но ничего не было слышно.

Пурга и вьюга, стук колес, шипение отходящего поезда и опять крики. Все смешалось в единый шум. Но ее пронзительный голос словно прорезал ночную тьму и даже сейчас был в его памяти. Мать тащила её к себе за руку, приговаривая:

– Да, на што он тебе сдався, такой жаних!

Федор, чего-то вдруг испугавшись, грубо оттолкнул ее от себя с криком: «Под колеса попадешь, дура!». И она застыла на перроне, в страхе и ужасе. Тьма ночи и вьюга поглотили её.

Поезд размеренно продолжал стучать знакомое та-тан-та-та, та-тан-та-та.. То проносились мимо разъезды, то проползали со скрипом на перегонах.

– Скоро уже, наверное, сходить, – спрашивал себя Рудаков и сам же отвечал, – Да нет, еще не скоро. Может, перед выходом взять и еще чего-нибудь перекусить?

Мысли опять возвращали Федора то к ней на полустанок, то в глубокое детство.

Как? Как же все произошло? А главное, как ему теперь быть?

Федор вдруг припомнил, как еще белобрысым мальцом опасался этого прозвища. Опасался, чтоб в станице никто из пацанов не дразнил его «женихом». Он даже со свиданий пробирался огородами. Потом, также украдкой, к крутому яру, где были привязаны лодки. Там его ждала Она. Самая-самая. Одна единственная – Таня.

Таня жила без матери у бабушки. Мать ее развелась и вышла замуж за другого. Уехала из станицы. Дочку оставила с бабкой, решив, что так для дочери будет лучше. Для кого это будет лучше, бабка прекрасно знала. Татьяне, кажется, было все равно, а может и действительно лучше.

Бабуся не знала про Танину школу ничего. Ни про то, что она иногда получала двойки, ни даже то, что на родительских собраниях ее часто ставили в пример. По вечерам, когда бабуся мирно похрапывала, бормоча что-то во сне, Таня босиком выходила в сенцы тихо прикрыв за собой дверь, которая все же подло поскрипывала. Хотя Таня ещё накануне напичкала сметаной старые массивные дверные петли.

Вагон опять качнуло. Запищали тормоза. Запахло подгоревшей буксой и в приоткрытое окно вагона, Федор услышал шум с перрона.

– Пирожки! Горячие пирожки!

– Огирки! Соление, соление огирки, – кричали продавщицы.

Федор проворно соскочил с полки. Мышцы так и несли его поразмяться. Обратив внимание, что на него смотрели старушка с внучкой и ладный старичок, Федор машинально поправил фланельку, застегнул ремень и мигом заправился как положено. При выходе Рудаков посмотрел на себя в зеркало и лишь потом, стройной походкой, вышел на перрон. Старичок крикнул вслед. Ему понравилась четкость, опрятность военного. Видать, вспомнил свои молодые годы. Старушка тут же запричитала и закачала головой.

– Ничиво ни йисьть! Совсем ни-чиво!

Внучка проводила Федора зачарованным, пытливым взглядом. Потом еще долго продолжала наблюдать за ним из окна.

Федор тем временем вдохнул свежего воздуха, от чего у него даже зашумело в голове. Он направился к торговой палатке. Там уже толпился народ. Кто за кефиром, кто за булками с колбасой. Есть не хотелось. Федор просто глазел: чтобы такого купить так, на всякий случай?

– Ну что, флот?! Давай взгрустнем, что ли!?

Перед ним стоял кудлатый мужик нараспашку, с двумя бутылками портвейна между пальцами левой руки. В правой была ветчина и сыр. Под мышками еще и бутылки с пивом.

– Нет, я лучше повременю, – Федор отошел к газетному киоску, купить свежую газету.

– Ну что, флот? Надумал? – повторил бухой мужик.

– Да-нет, погода не летная, – отшутился Федор.

– А-ай, слабак, – произнес бухарик с досадой и побежал к заднему вагону.

Федор раскрыл газету. Пробегающие по перрону люди то и дело толкали его, но он не обращал внимания. Сильный толчок в плечо все же заставили оторваться от газеты. Мимо проплывал огромный, кованный чемодан, углом которого его и зацепили. Тут только Федор и увидел, что уже горел зелёный и быстрым шагом направился к своему вагону.

На верхней полке его опять накрыли мучительные воспоминания. Федор не мог припомнить, когда он впервые сблизился с Таней. Да, почему сблизился? Ведь он с самого детства учился с ней в одном классе. Она сидела на парте сзади и колола острым пером в спину. Федор тоже не оставался в долгу. На перемене молотил ее и дергал за косички до слез. Он же органически не мог ее терпеть. Пересел даже однажды на другую парту. Отсидев урок географии, он уже на химии был водворен классным руководителем на прежнее место, под общий хохот одноклассников.

Та-та-тан-та-та, та-тан-та-та и поезд опять уносил Рудокова в его безмятежную юность. Однажды летом на причале, где он с ребятами ловил раков. Федор обратил внимание на один яркий купальник, который мелькал среди бегающих и прыгающих в воду девчат. Яркий купальник облегал стройную фигуру с длинной, красивой косой. Неужели это была Таня?. Какая она стала взрослая!

От таких откровенных мыслей Рудакову стало как-то не по себе. Но поезд, та-тан-та-та, та-тан-та-та, неумолимо возвращал его на берег Северского Донца, на тот самый причал, где он быстро собирал свои рыбацкие снасти, а от знакомого голоса Тани его щеки загорались густым румянцем. Он хотел поднять голову, склоненную над снастями, но на него полилась вода. Это Таня принесла в своих ладонях и плеснула на него. Федор, как ужаленный тогда пером на уроке, резко вскочил. Веселый хохот, зовущий блеск в глазах Тани, растопил что-то внутри у Федора и его лицо вдруг поплыло в невообразимо добрейшей улыбке.

– Догони, догони! Попробуй, догони, – смеялась, приседая и плеская водой, от чего была еще изящней, кричала Татьяна.

– Ну, егоза, берегись! Ну, попадись ты мне! – воскликнул Федор, собрал свои снасти и пошагал медленно в гору домой, постоянно оглядываясь и все это время исподтишка любуясь Татьяной. А она плескалась, и что-то кричала ему вслед, отчего еще больше вызывала восторг у Федора и какое-то томное, трепетное чувство в груди.

Состав послушно выбивал своё та-тан-та-та, та-тан-та-та.. Продолжал уносить Рудокова из его далёкого детства и юности к новому месту службы.

Глава 2

В Москве Рудаков случайно встретил однокашника, Гришу Говрилюка. Радостный, уже с молодой женой, он направлялся к месту службы за Урал. На КПП пересыльного военного городка лейтенант Рудаков встретил таких же молодых лейтенантов в летной форме из Даугавпилского училища, получавших воинские предписания в Прибалтику. Со своим нехитрым скарбом Федор перебрался на Белорусский вокзал.

Какого же было его удивление, когда в поезде он встретил тех же самых веселых ребят в лётной форме, из Даугавпилской команды лейтенанта Олега Левченко. Больше с ними Федор уже не расставался. Так они ехали вместе и решили по прибытии проситься в одну часть.

Через два дня, вечером, они сошли с поезда на пустынной станции. Сумерки наступали быстро. У патруля спросили, как добраться до интересующей их части.

У ворот воинской части Рудаков увидел, что за выезжавшей машиной идет старшина в артиллерийской форме.

– Это не сюда! – воскликнул Федор.

– Сюда, сюда, товарищи лётчики – повторил старшина с улыбкой, кивая в сторону дежурного капитана, тоже в полевой форме артиллериста, который уже начал сокрушаться:

– Ну, как же так, только что ушла машина в часть. На чем я вас теперь отправлю?

Дежурный пропустил офицеров в лесной военный городок, а посыльный повел по тропе среди вековых сосен к одноэтажному деревянному зданию штаба.

– Товарищ майор, -обратился ефрейтор, – это к вам.

– А-а, с прибытием, товарищи офицеры, в гвардейскую часть. Попрошу ваши предписания и удостоверения личности.

Все подали свои документы. Майор просмотрел и дал команду выписывать проездные документы. Двое направлялись в Неман, шесть человек в Чернышевское, а Рудакова одного – в Советск. Фёдор негодовал.

– Товарищ майор, а один не хочет ехать.

– Кто там такой умный? -возмутился майор.

– Товарищ майор, выслушайте, пожалуйста, – и Фёдор, как мальчишка, сбивчиво стал объяснять, что он тоже из училища Морской авиации, только что в поезде познакомился с ребятами.

– Детский сад, кого только не присылают. – перебил Рудакова майор, улыбнулся и сказал:

– Выдайте ему документы в Чернышевское... Вместе с этими... Лётчиками, а в проездных документах допиши «с ними один», ну чтобы не исправлять предписание.

Так Рудаков и поехал без билета. В общем билете у ребят было написано: «с ним один» и стояла гербовая печать. Лишь поздно ночью лётная команда добралась в часть.

На утро у себя в кабинете летных лейтенантов уже ждал командир части полковник Венедиктов. Вместе с помощником по кадрам капитаном Завяловым, командир принял сразу всех вновь прибывших офицеров. Помощник по кадрам называл вакантные должности, а командир назначал кандидатов.

Когда всех распределили, дошла очередь и до Рудакова. Командир посмотрел удостоверение, диплом и сказал:

– Хорошо, как члену КПСС, вам специальная должность – секретарь комсомольской организации дивизиона..

– Никак нет, товарищ полковник, – на одном выдохе выпалил Рудаков и тут же взмолился. – Только не комсомольским секретарем!!!

– Виктор Иванович, – обратился командир к капитану Завялову. – Вы что-нибудь понимаете? – И не дожидаясь ответа, командир продолжал:

– Нет, ну вы такое видели? Ему предлагают капитанскую должность, оклад почти, в два раза... вы-ы-ше, а он не желает. Да вы, товарищ лейтенант, представляете, что это за должность?

– Товарищ полковник, – удивившись самому себе от того что перебил командира, продолжал Рудаков, – если бы не знал что это за должность, то не говорил бы. Я в ШМАСе работал... поэтому и не хочу.

– Надо же, – возмущался командир, – другому предложи, он с радостью, а этот... – в дверь постучали и вошли еще два лейтенанта.

– Так, – сказал командир, обращаясь к Рудакову, – вы уже сегодня девятнадцатый офицер, прибывший в полк, посидите пока, подумайте.

Капитан Завялов предложил вошедшим лейтенантам должность старшего техника КИП. Рудаков уже хотел крикнуть, что ОН, он желает. Желает стать этим самым старшим техником и просто мечтает... Но один из вошедших офицеров, опередил его. Это был лейтенант Щелин.

Когда оба офицера, получив должности вышли, командир опять спросил Рудакова.

– Ну что, подумал?

– Нет, товарищ полковник, не могу. Не лежит душа.

– Душа-А-А! – протянул командир и потянулся к пачке «Беломора», вытащил папиросу и стал ее разминать, приговаривая:

– Видал, какая молодежь пошла. Душа у него не лежит, – командир прикурил и глубоко затянулся.

– А вот мы сейчас проверим, сказал командир, открыв дверь, обращаясь к очередному входящему лейтенанту.

– Товарищ лейтенант, – торжественно начал командир, если бы вам предложили должность секретаря комсомольской организации, вы бы согла...

– Я согласен. – не задумываясь выпалил вошедший лейтенант.

Тут уже оторопел командир. Его лицо вытянулось. Хоть он и предполагал, что ни один лейтенант не откажется от капитанской должности, но никак не ожидал такого крутого поворота.

– А вот он, – командир заметно нервничал, тыкая Рудакову пальцем в грудь, – Вот он не согласен.

Теперь пришла очередь удивляться вошедшему лейтенанту. Лицо его стало еще более растерянным. Он вообще уже не понимал, что тут происходит и как себя нужно дальше вести. Он был похож на мальчишку, у которого отобрали любимую машинку-игрушку.

Тут всех выручил Рудаков, необычайно обрадованный такому повороту дела.

– Товарищ полковник, вот видите, человек желает. Значит он с душой будет относиться к делу и исполнять обязанности.

– С душой, с душой... Что ты заладил, про эту Ду-ушу... – командир не договорил, и опять неожиданно спросил лейтенанта.

– Вы-то сами представляете эту работу? И что это за должность...

– Да, представляю, – просящим голосом произнес лейтенант.

– А почему вы хотите на эту должность? – пытаюсь докопаться до истины, продолжал командир.

– Я хочу поступать в политическую академию, – ответил лейтенант.

– Да-а, Хочет он видите ли, – командир встал и вышел из-за стола и снова тыкнул Рудакова пальцем в грудь. – Вот так... Учись.

Здесь вмешался капитан Завялов.

– Товарищ полковник, он кандидат в члены партии, пришел ко мне и сам попросился на эту должность.

– Даже так!? Ну-ну, ты еще пожалеешь... Ты, Федор, пожалеешь, но будет поздно, – уже по отечески заговорил командир.

– Ладно, Виктор Иванович, если что, будешь сам отвечать за этого. – и кивнул на растерянного лейтенанта. – Мы не должны здесь ошибиться. Назначай этого лейтенанта на должность секретаря с испытательным сроком.

Лейтенант вышел. В кабинете воцарилась неожиданно долгая пауза, которую нарушил командир.

– Ну, что теперь с тобой делать-то? Я уж и не знаю, какую тебе должность предлагать. Душа у него не лежит...

– Товарищ полковник, раз нет должности, отправьте меня обратно в Морскую авиацию, – выпалил окончательно осмелевший Рудаков.

– Куда-куда!? Обратно? Да, какая еще Авиация? – уже не на шутку возмутился командир. И если бы что-то было у него под рукой, то наверное запустил бы в Рудакова.

– Морская, морская... В морскую Авиацию, – тихо подсказывал командиру совсем освоившийся Федор.

– Сегодня же, отправьте его за штат, – строго сказал командир капитану Завялову, как к стене припечатал и раздраженно добавил, – потом посмотрим.

Завялов кивнул Рудакову на выход, от греха подальше.

НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, МОРСКАЯ АВИАЦИЯ

Глава 1

Ошалевший от всего, от этой чехарды с должностями Рудаков вышел из кабинета и побрел, не зная куда. Может, действительно, сглупил? Может, нужно было согласиться? А как же тогда его любимая радиотехника? Он же мечтал поступить в радиотехнический институт. Какой институт, ведь уже Служба Началась!!! Служба!

Да, неудачное начало. Мысли прервались. Из гостиницы вышли офицеры и направились в столовую.

– Ну что, куда тебя назначили? – чуть ли не хором встретили они Рудакова.

– Пока никуда, выведен за штат.

Фёдор переоделся в гражданку и побрел в Кибартай, в кинотеатр. Фильм шел уже минут пять, назывался «Лес богов», литовский с русскими титрами перевода.

– Да, что они все, сговорились что ли? И тут про лес... – с досадой подумал Фёдор и вышел из кинотеатра. Был уже вечер. Идти больше некуда. Часть была недалеко, перейди мост – и ты в части. По пути он зашел на железнодорожный вокзал. По суматошному движению сделал вывод, что должен подойти поезд. Литовские женщины стояли с ведрами, торговали яблоками.

– Сколько стоит?

– Рублис, -ответила дородная моложавая литовка.

– Одно яблоко? -удивился Федор.

– Почему одно? Все ведро, целиком. Ведро руб-лис, – объясняла она нараспев с литовским акцентом.

– Мне ведро яблок не нужно, мне одно яблоко нужно. Одно, од-ноо, – как немой, махал руками Федор, показывая указательный палец.

– Одно у нас бесплатно.

Федор смутился, но яблоко взял, поблагодарил добродушную женщину. Она выбрала ему самое большое и красивое яблоко.

В офицерском кубрике стоял шум, гам. Лейтенанты во главе с Ароном Темкиным вернулись со службы. С порога Арон зашумел:

– Здрасьте, наше вам с кисточкой! Ракетные войска изнывают от нехватки кадров, а ему по барабану. В Кибартае на танцах прохлаждается! Капитанскими должностями разбрасывается...

– Да ладно вам. Уже доложили!? – оправдывался Рудаков.

– В нашей технической батарее есть вакантная должность старшего техника борта, как раз для тебя. Соглашайся.

Темкин разделся, взял туалетные принадлежности, полотенце и шаркая тапочками, прыгнул мыться. Только что сказанное Темкиным заставило Рудакова задуматься.

– Что за должность? – поинтересовался Фёдор.

– Да, лучшего места не найдешь. Уже все разобрали, а она вот осталась. Специально тебя ждет! Наша батарея всегда работает в тепле, потому что она тех-нии-ческая! Так что соглашайся, я тебе рекомендую теплое местечко.

– Да не о теплом месте идет речь. – ответил на приколы Рудаков.

– А, ты такой идейный, в Островского хочешь сыграть!? Ну давай-давай. Смотри, чтобы потом не пожалел. Одну должность ты уже прошляпил...

Остаток вечера и всю ночь Рудаков не мог успокоиться. Всё соображал, какое решение принять. Утром, когда Темкин собирался на службу, Рудаков все же решил:

– Скажи своему командиру, что есть специалист, согласный на эту должность.

– Яволь, ваше величество... – ответил Темкин и одобрительно похлопал всё еще сомневающегося лейтенанта Рудакова по плечу.

Ребята уехали на службу, а Рудаков остался скучать. Один, в совершенно пустом кубрике, находясь по-прежнему за штатом. Полистал книжку, которую начал читать еще в поезде и закимарил. Поспать не дали. Около десяти часов в дверь с грохотом постучали и вошел бравый, усатый старший лейтенант, похожий на гусара.

– Старший лейтенант Мороков. Ищу лейтенанта Рудакова.

– Это я.

– Собирайся, поехали! Меня комбат прислал за тобой.

Рудаков в миг собрался и через двадцать минут они уже мчались на «Ковровце» по дороге, уложенной брусчаткой веером. От офицерского городка Ракетный комплекс находился километрах в семидесяти. В глухой лесной чащобе, недалеко от польской границы. Чуть меньше часа Эдуард, так звали старшего лейтенанта, домчал на мотоцикле до части.

Около шлагбаума, при въезде на комплекс, Мороков спросил солдата, открывавшего шлагбаум, где находится майор Луценко. Солдат что-то буркнул, но было не понятно. Проехав от шлагбаума к поляне, Мороков остановился и показал Рудакову палатку, куда нужно идти, а сам развернулся и уехал. По узкой тропинке Рудаков пошел к указанной палатке.

Глава 2

Дежурство у лейтенанта Соловьева шло как обычно. Инструктаж, проверка обязанностей у суточного наряда и караула, проверка несения службы, поддержание порядка и воинской дисциплины во вверенном гарнизоне.

В полдень с дальнего КПП позвонил дежурный ефрейтор Курбанов. Доложил, что лейтенант Мороков привез на мотоцикле морского летчика, лейтенанта Рудакова. Соловьев дал команду пропустить морского летчика на территорию гарнизона и пошел встречать.

Навстречу лейтенанту Рудакову двигалась непонятная фигура. В полевой армейской форме и наброшенной наспех флотской шинели, с повязкой «Дежурный по части». В этом смешении войск Федор с трудом определил, что это, скорее всего, вахтенный офицер.

Они шли навстречу друг другу. Два лейтенанта, два морских офицера...

Они шли и даже не подозревали, что их мечты о море, о морской авиации все глубже и глубже уходят в лесную чащу.

С каждым шагом, от шлагбаума КПП, в этой лесной чаще незаметно таяли их юношеские, курсантские мечты.

Но этого они еще не знали. Как не знали и того, что служба на этой ракетной базе определит всю их дальнейшую судьбу.

Ракетная база в дремучем лесу свяжет судьбы их родных и близких. Этого они еще тоже не знали и даже не задумывались об этом.

– Дежурный по части лейтенант Соловьев, – представился дежурный.

– Лейтенант Рудаков!

– Что оканчивал? – спросил лейтенант Соловьев.

– Училище Морской авиации, – ответил Рудаков.

– А я Севастопольское морское, имени Нахимова. – заметив, как после его слов сразу приободрился обескураженный Рудаков, Алексей по-свойски бросил, – У нас в палатке одни моряки. Есть одно место...

– Значит, уже забито, – не ожидая приглашения, согласился Рудаков и подал руку Соловьеву, – меня Федором зовут.

– Меня Алексеем, можно Лешей, – крепко пожав руку, ответил дежурный. Подошли к палатке, из которой выходили офицеры.

– Товарищ подполковник, – обратился лейтенант Соловьев, – в распоряжение дивизиона прибыл лейтенант для дальнейшего прохождения службы.

– Товарищ подполковник! Лейтенант Рудаков для дальнейшего прохождения службы прибыл, – сходу отрапортовал Федор.

– Это ко мне, товарищ подполковник, – засуетился коренастый майор, – я посылал за ним своего офицера, лейтенанта Морокова.

– Ну что ж, майор Луценко, разбирайтесь, потом доложите.

Майор Луценко был родом из Киева, фронтовик на должность командира технической батареи пришел из войск. Профессиональный опыт заставлял его очень осторожно и внимательно подбирать себе кадры. Поговорив с Рудаковым о службе, что оканчивал, про электроны и Омы, майор не забыл поинтересоваться, как Федор относится к Пушкину.

После короткой беседы Луценко повел лейтенанта Рудакова к громадной палатке. Рядом стояли непонятные агрегаты, замаскированные машины. Из палатки доносился шум работы каких то аппаратов и людские голоса. Федор оторопел. На огромном прицепе лежало изделие сигарообразной формы.

В диаметре метра два и более 30 шагов в длину, сразу прикинул Рудаков. Вокруг прицепа солдаты, сержанты и офицеры подсоединяли какие-то приборы, телефонные аппараты, разматывали и аккуратно укладывали кабельные бухты. Увидев комбата, от группы работающих отделился капитан.

– Товарищ майор, личный состав батареи проводит работу по подготовке комплексной проверки изделия. Руководитель работ капитан Киселев.

– Все нормально? – спросил комбат.

– Пока нормально, – ответил Киселев.

Майор Луценко стал объяснять лейтенанту Рудакову роль и задачи технической батареи. Вкратце рассказал и показал принципы работы, конструкцию изделия. Когда подошли к приборному отсеку, комбат заострил внимание Рудакова.

– А здесь ваш район действий, – в один прыжок он взобрался на верхний мостик прицепа и позвал Федора

.Через верхний люк приборного отсека майор Луценко показал основные приборы, с которыми лейтенанту Рудакову придется иметь дело.

– Это гиригоризонт, это гировертикант, – перечислял Луценко, видя, что это вызывает у лейтенанта не столько удивление, сколько неподдельный интерес.

– Я полагаю, – продолжал комбат, – что у вас все получится. А это ваши подчиненные. Ефрейтор Галимов, старший механик вашего расчета. Ефрейтор Рыбак, рядовой Берсенев, ефрейтор Ваганов. За палаткой видели? Стоят агрегаты, работающие электростанции. Начальник электросилового отделения сержант Шаршунов. Личный состав очень грамотный, уже работает самостоятельно. Им нужен такой же грамотный и толковый командир. Полагаю, что вы для этой должности подходите. Ну что!? Вы согласны? – Вот так сразу спросил Луценко, не давая опомниться молодому лейтенанту.

– Согласен, – не очень уверенно, с интонацией не то вопроса, не то ответа протянул Рудаков.

– Что вас смущает?

– Да, в принципе, ничего. Но я авиационный техник по эксплуатации электронного оборудования самолетов, – замешкался Федор и честно добавил, – Я это не учил...

– Это еще никто не учил, – перебил его майор, – мы Первые. Вы справитесь. У вас подготовка хорошая, я знаком с вашим личным делом. К тому же, член партии, коммунист. Так и порешим. Сейчас представлю вас личному составу.

Комбат дал команду прекратить работы и построиться на лесной просеке, у палатки.

– Представляю вам старшего техника борта, лейтенанта Рудакова. Бывший летчик Морской авиации.

Рудаков уже хотел было возразить, что он никакой не летчик, но не посмел. Да и это уже не имело никакого значения, кем он там был в прошлой жизни.

У него начиналась не только новая жизнь, но и новая служба. Служба офицера ракетчика, с чистого листа. Впрочем, как и у всех вокруг. У всех, кто прибыл на эту базу в глухом лесу...

Комбат не отходил от Рудакова до самого обеда, а на обед самолично повел Федора в столовую. После подробной экскурсии по базе и сытного обеда, не подозревавший подвоха моло-

дой лейтенант хотел уже намылиться в город. Прощаясь, комбат вдруг между прочим, практически на ходу, спросил Рудакова:

– Вы сможете провести занятия с личным составом по основам электротехники и радиотехники? – Видя, что Федор молчит, майор Луценко продолжал с утешающей интонацией.– Так, в общих чертах, что собой представляет ток, переменный и постоянный, что такое радиолампы, диоды, там триоды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.